

ИРМА КОКУРА

СОЛНЦЕ НА
ЛАДДОНИЯХ
СТИХИ

Ирма Кокура
Солнце на ладонях

«Пробел-2000»

2012

УДК 821.161.1-1 Кокура
ББК 84.(2Рос+Рус)6-5

Кокура И.

Солнце на ладонях / И. Кокура — «Пробел-2000», 2012

ISBN 978-5-98604-332-6

Мое настоящее имя Юлия Миллер, я поэт по жизни и хочу донести людям свое творчество. Оно не просто, но и не обязательно должно быть простым. Если люди потребляют банальные стихи и песни, это не значит, что именно это им и надо. Другого им просто не дают, а я попытаюсь предложить. Вещи мои не такие доступные, если читать их глазами, но кому-то должны понравиться именно за это. Другими мои стихи быть не могут, и в этом – их честность.

УДК 821.161.1-1 Кокура
ББК 84.(2Рос+Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-332-6

© Кокура И., 2012
© Пробел-2000, 2012

Содержание

Городская романтика	5
Я и новый век	6
«Есть ниже подвала этаж...»	8
«Тот, в ком остался чувств переизбыток...»	9
«Через чужие впечатленья...»	10
«И топчет розу дирижёр...»	11
«А утром идет, как ни в чём не бывало...»	12
«Остался белый лист на краешке Вселенной...»	13
Санкт-Петербург	14
«Синеет Царское Село...»	15
Зарисовка	16
«Портрет. Повторенье...»	17
Абсурд	18
«Когда никто не встретится в пути...»	19
«Сливаясь с дождём, фортепьяно стучало...»	20
«В гуле ветра осеннего транспорт ревёт...»	21
Музыкальная фраза	22
Мадригал	24
Ира	25
«Ты умерла, и в небе отпечатка...»	27
«Я набираю номер...»	29
Невозможная хроника	31
«Когда во рту растает время, словно снег...»	32
Маросейка	33
Кино	34
Натура	35
И на выезде...	36
В двух мирах	37
Баллада	39
О любви	40
Безответная любовь	41
Ночь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирма Кокура

Солнце на ладонях.

Сборник стихотворений

Городская романтика

И снова музыка ночей
Из прошлого ко мне вернулась,
Толкая фонарей качель
Среди витрин центральных улиц.

Огни цветов, рекламный прах
И головокруженье в танго
Горящих взглядов, словно страх
Экстазом стал, и было жарко.

Автомобильных фар восторг,
Минуя во влюбленном реве
Мосты, отчаянье исторг
Веселья красок или крови.

Красив безумно город был,
Запечатлевшись фейерверком,
Из детства выветрился дым,
И поцелуи были терпки,

На крашенных губах цветя,
Стремилась стать движеньем танца,
И там была, вертелась я
И не одна, но жизнь сквозь пальцы.

И, наконец, огни в ночи
Вновь засветились, охмеляя.
Блаженство музыки, молчи,
Не рань мне душу в душной яви!

Я и новый век

Бегу, событий пену взбив,
Не одинокий, но бесцельный
На струны просится мотив, —
Слова мои он перемелет.

Слова не сказаны еще.
Взыграл июнь к последней ноте,
Рассыпав локоны её,
Он бредит холодом и бродит,

Надвинет ночь на нас с котом! —
Дом дышит шумно, и ступени
Водой сверкают с двух сторон,
Не высохшей, вверх-вниз как время.

И переписку начала
Вновь народившаяся Ева
С подругой Музой. Как дела?
Мы их придумаем в поэмах.

В зеркальности моих картин,
В их действе просят движенья,
И – делать нечего – один
Не дал бы власть воображенью

Я, если б не широкий жест
Фортуны общей несчастливой.
На звон ответит Муза. Есть
Романсы пыльные и в мыле

Десятилетий. Начал век
Импровизацию, как юность
В Эдеме вызывает смех,
В фонтане с мрамором балуясь

И с бесшабашной Евой в час,
Когда колпак вновь нахлобучит
Она на голову, – шут спас
Её от неба в тучах взбучки.

Узнай её сейчас во мне! —
Так я не смог: в глазах троится;
Я имя потерял, и нет
Лица, – лишь муки в окнах-лицах.

Событий пену взбив, хранить
Живой пытаюсь облик Музы,
А свет крылат, и жизнь летит
В воображаемые узы.

Мои события плодят
И мелят чувства, – не разгадан
Их смысл, мотив, но ром – не яд,
Сюжет исчерпан, став абстрактным.

«Есть ниже подвала этаж...»

Есть ниже подвала этаж,
Где музыка вечно играет,
Пускаются духи в кураж,
Хотят, чтобы их услышали.

Когда успокоишься ты,
Ты музыку эту услышишь,
Подкрутишь всей жизни болты
И ангела встретишь над крышей,

Из рук его воду возьмёшь.
Невидные нам граммофоны, —
Ах, с помощью них ты сольёшь
Низ с верхом бессмертной природы.

И в эту игру поиграть
Возможно, взяв кошку с собою
И, ей подражая, сплясать
С весёлой и вечной душою.

Умрёшь – ниже дна не падёшь,
И ад потому нам роднее,
Что там раскрывается ложь
Для сходного с нами общенья.

«Тот, в ком остался чувств переизбыток...»

Тот, в ком остался чувств переизбыток,
Тот счастье беспокойное несёт.
Сквозь зиму теплится улыбка —
Души горящий уголёк.

И месяцем декабрьским поцарапан,
С Венерою, светящейся в глазах,
Он, вдохновлённый хвойной лапой,
На звёздах имя написал.

Снега кружились и ложились —
Непреходящая природы нить, —
Так грёзы вешние умылись,
Чтобы ему не разлюбить.

Я вижу странную картину:
Овчаркою своей ведом
По снегу к музыке старинной,
Под клавишин не умер он.

Но он упал в переизбытке,
На ухо нежно вдаль шепнул,
С рождественской цветной открытки
В последний раз на нас взглянул.

Где мне найти такие чувства,
Как высказать мне душу вслух,
Когда б никто меня не слушал,
И смутен был как призрак друг?

«Через чужие впечатленья...»

Через чужие впечатленья,
Через шаги чужие вдаль
И через облачность на небе
Я уйду, моя печаль.

И уж совсем без возвращенья
Уходят дети через мир
С недетскою прощальной песней,
Не представляя пантомим.

И небеса всегда печальны,
И льётся песня через край
И, тень свою не различая,
В стихах плачу печали дань.

«И топчет розу дирижёр...»

И топчет розу дирижёр,
Оркестр потерян в зёве зала.
Глубокий взор приворожён
К стихам, что опера бросала.

Во время действия пружин
Снежинки мечутся, несутся.
О, ария моей души!
Когда ж огни вокруг зажгутся?

И звёзды будто рассмеялись
В бессильной силе петь в связи
С ночами и теряя глянец,
Что дирижёр нам отразил.

«А утром идет, как ни в чём не бывало...»

А утром идет, как ни в чём не бывало,
Порывистый, дерзкий и белый снежок.
Ночная стихия как дым миновала,
И после попойки душе хорошо.

И звякнули окна, и ветер холодный,
Как честь благодатный прохладу несёт.
Опять я возьму главной краской лиловый,
Чтоб белый совсем рисовать небосвод.

А рифма пришпорено, дико несётся,
И не различишь ты в сумятице лет,
Как солнечный луч через тучи пробьётся
К далекой и близкой ручьиистой весне.

«Остался белый лист на краешке Вселенной...»

Остался белый лист на краешке Вселенной,
Как нежное бесстрашие Марии.
Орган, исполненный любовью веры,
Наполнил звуками картину мира.

И были эти звуки столь прекрасны,
Что воду чистую постигло вдохновенье,
И стал живым скрипучий кладезь,
И раздавалось певчее моление.

Как ни казалось нам холодным небо,
А все ж любовно обнимало Землю,
Но вот, беда, что озеро мелело
С солоноватым всех эпох взросленьем.

От ангелов, к струе припавших,
Воображения благословенье
Художник получил, признавши
Не суету, а тихое творенье.

И одинокая свеча горела,
Ночь темную даруя освещеньем.
Бумага в эту ночь белела
На самом краешке Вселенной.

Санкт-Петербург

Ступеней в небо крутизна, —
И распростёр крыла Исакий
Над Петербургом. Дух узнав
Его парящий, дунь на знаки.

И полукамень-полупар —
Величественно строгий город,
Вперед толкает тротуар,
И ветер с рек ползет за ворот.

В гармонии летящих птиц
И набережные стремятся
В рисунки узких улиц-жриц
Архитектурного богатства.

О, как Атланты здесь трезвы,
И как щедра вода-богиня! —
Железа с мрамором узлы
В осеннем золоте тугие

И город весь един как вздох
Небес, под ним слегка горящих,
От куполов своих оглох,
Но острый слух в летящих башнях.

С мостами дружат здесь дворцы,
С изяществом – грома величья.
В Москве – грачи, а здесь – скворцы, —
Людей меняется обличье.

В Москве – вразвалочку душа,
А Петербург, отняв вначале
Язык, вокруг купола верша
Великолепье, впечатляет.

«Синеет Царское Село...»

Синеет Царское Село
В дожде, чуть косо морозящем,
Зашло в пожарище былом
Здесь солнце, марш сыграл здесь я ящик

Оркестр. Но с легкой грустью я
Дождём дышу, вхожу в музеи,
Где всё на близорукий взгляд
Роскошно, чтобы мы глазели,

И чтобы с зеркала души
Не облетала позолота,
Что Бог искусств душе внушил,
Ваяя до сих пор, измотан.

Зачем Екатерине столь
Обширные в дворцах покои?
От окружения изволь
Зависеть, царственная воля.

О, мира сильные сего,
Власть – тяжкий крест из обольщенья;
Пусть скромно Царское Село,
Богатство – это духа щели.

Никто фарфоровых китайцев
Не забирает у царицы,
И потолки – в античных танцах,
Державный дух у стен клубится,

Но нет былой помпезной славы
Державных олицетворений
В России, исстари кровавой,
Корона растворилась в пене.

А Муза кружит в листопаде,
И начинают волшебство
Дни эти в акварельной глади
У поразительных дворцов.

Зарисовка

Я прощаюсь с тобой, Петербург,
И теперь ты паришь надо мною, —
Твой жестокий речной драматург
Возвышает тебя над Невой.

Вместе с пригородным волшебством,
Вместе с арками, с парками, с ливнем,
С завершённой в ритме колонн
И атлантов и в гулкости ритма

Камень в краеугольность свою
Всех дворцов твоих вносит свободу,
И стремление ветра поют
Против ветра летящие своды.

Солнце измельчено ли в тебе,
Петербург, и лучится сквозь камень
Кружевами, и тонет во тьме
Угловатых колодцами зданий?

О, величье соборов твоих!
В облаках – вечность архитектуры;
Воспаривший, размноженный лик
Отраженьями строгой культуры —

Лик твой, город, и тени скользят
По божественно-строгим ланитам,
Обращается вдаль синий взгляд,
В нём мольба с мрачным знанием слиты.

Я прощаюсь с тобой, Петербург,
Так пари надо мной облаками! —
В средоточье твоём – драматург
Эти стены вдаль отодвигает.

«Портрет. Повторенье...»

Портрет. Повторенье
И встреча двух душ,
Уверенность силы руки.
Позёрство и зренье! —
И снова макни
Перо заржавевшее в тушь.

Динамика времени движет пером,
Черты набросав в смелых линиях,
Обманчиво зренье, и вдруг грянет гром
Под датой подписанным именем.

Но дышит набросок,
Познав реализм
Покою будильника вставшего.
Искусство раскосо
Глядит в нашу жизнь,
Рукою в перчатке помашет нам.

Из почерков разных
Ты выбери мой,
На фоне зеленом – фигуры.
Вне времени – краски,
И мальчик рябой
Влюбился, мечтая, в натуру.

Схватить непослушные в силе черты
Художник горазд тонкой кистью,
И страстью его уж охвачена ты, —
За косы цепляются листья.

Движенье на фоне прозрачном бьёт взгляд,
Заходится сердце нагое,
Целительно действует медленный яд,
Горящий закат – над тобою!..

Абсурд

Когда над городами рыба
Летела одиноко вдаль? —
И реки, в тучи мост закинув,
А было им пейзажа жаль,

Подобно новеньким метёлкам
Пытались рыбу замести
На дно, где тесно встали ёлки,
Светя огнями из горсти.

О, механическая рыба!
Верни же городам их страсть
И, ветра возмудив порывы,
Взяв покровительственно власть,

Ты развернёшь со скрипом резким
На острых крышах флюгера
И изо рта уронишь перстень
В мою ладонь – уже пора!

«Когда никто не встретится в пути...»

Когда никто не встретится в пути
Безлюдных, вечно тёмных городов,
И ночь огням окон не засветить,
Пойдёшь с трубой со звёздами кутить.

Фонарь мерцает слева за углом,
Глухой какой-то барабанный стук.
И кто-то в небе за пустым столом
В сургуч те города впечатал вдруг.

«Сливаясь с дождём, фортепьяно стучало...»

Сливаясь с дождём, фортепьяно стучало,
И гром диктовал временам:
Куда твою душу сняло и умчало? —
К воде и к заснувшим ветрам.

«В гуле ветра осеннего транспорт ревёт...»

В гуле ветра осеннего транспорт ревёт,
Колесо, оси чьи завершают столетье
И приводят в движение мысли полёт,
За который мы держимся, бешено вертит

По воздушным кругам одиночество толп,
Рычаги светотени в движенье хватая,
Направляет в свои коридоры аорт
Номера телефонов знакомых из рая.

Наша жизнь – это необходимость любви,
Вместе с воздухом пьем мы вино изобилья
И с судьбой заключаем на верность пари,
И нам кажется мало любви той в бессилье.

И нам кажется мало в соблазнах дымов —
Нашу волю оковами ночью считаем,
Оставляя свой страх позади, мы трудов
Нашей жизни за счастье не почитаем.

Если все вечера одиноки мои,
Ритм бывшего затих, поле боя остыло,
И полет моей мысли – ребячий наив —
Создаёт для покатых ступеней перила,

То я чувствую, как Провиденья рука
Меня в омут знакомств направляет со Словом,
И ступени скрипят под ногою слегка,
И ступени – то годы мои под покровом.

Снова транспорт и встречи, стремится ко мне
Из толпы голубок в час беседы с подругой,
Снова я оживаю душою вовне;
Колесо, что вращаю, даётся мне туго.

Музыкальная фраза

Простая музыка проснувшегося неба,
Лишь звёзды растворились все к утру,
С отчаянной любовью зазвенела,
В трёхсложную вмещааясь красоту.

Еще не выпав, утоляет жажду
Меланхоличный чистый дождь тепла.
Как голос в одиночестве отлажен
Ребенка, чья вращается юла!

И не взошедши, солнце нас уж греет.
Судьба за клавишами знает смысл один, —
Перед собой она не оробеет,
И из-под нежных рук звучит мотив.

И слушают себя с какой-то скорбью
Ребёнок и жужжащая юла
В мотиве, что с младенческой любовью
Судьба столь совершенно создала.

Звук себя приглушает, но явственно плач
Слышу я, разговор без единого слова,
И срывает с небес всё же десять удач
Совершенство мотива – трёхсложное соло, —

Как отрывисты краткие фразы его,
И стихи не уложатся в ритм менуэта
И, помедлив, походкою быстрой тепло,
Освещая дорогу, уходит за светом.

Мадригал

Луч Вечности ваяет в отраженьях
Новорождённый облик городов,
И дружбы бесшабашное забвенье
Столкнет бокалы спорящих миров.

Пусть я один, а имя Музы – время,
Что испытует дух на страх в игре
Последней памяти в шампанской пене,
Я жизнь люблю лишь в творческой поре.

Понятьями жонглируя открыто
В такт времени, я ночь постиг как явь;
Войны и мира случай знаменитый
Пленил навек знакомствами меня.

Божественно лишь самосотворенье.
В поэты меня город произвёл,
Но к логике негибкое стремленье
Зачёркивает дар, что не расцвёл.

Нам нравится кокетства непрактичность
Как яркая улыбка на словах
И женщин с веерами эксцентричность,
Их поступь в современности дымах.

Нам нравятся намеки друг на друга,
Внезапность онемения и грусть,
Чьи поцелуи так терпки и грубы,
Что снова танец счастья вводят в суть.

Но наши нервы взвинчены одышкой,
И ритм свою утратил красоту.
Таи смысл новой жизни, о малышка,
Но скройся с глаз в сияющем цвету.

Я знаю время и его бессмертье.
Чьё имя – Муза в толпах горожан?
Лучами Вечность дружбу да осветит,
Ваяя дальше отражённый жар.

Ира

Она мне заплетала косы,
Потом тетради отняла.
Я помню эти папиросы,
Вращайся и жужжи, юла.

Она к стихам равнодушна,
Чтоб в сердце совесть забывать,
И одиночество разрушит
Неблагодарная кровать.

Я наизусть учу свой опыт,
Опасных девушек любя,
Но от очарованья – топот
Всех бед. Не нравлюсь грустным я.

Поэтому любовь не светит,
Хоть ложь, бродящая в глазах
Мою внезапно душу встретит
И бросит в омуте досад.

Пусть нас не любят, мы спокойны,
Пусть «нет» им проще говорить,
Они стихов таких достойны,
Мы – страсть боимся загасить.

Она сама её погасит,
Отняв тетради у меня.
Я не шучу, не дам ей власти.
Юла, вращайся как Земля.

Хороший стих рождает чувство,
Он – неожиданность и смех
Твоих прощаний и напутствий,
Неразделённость жизни всех.

Увы, нам навсегда влюбиться,
Как не разлюбим никогда,
Нельзя в печали слишком чистой, —
Мы тянем нудные года.

Навек прощаться, ждать свободно —
Вот нашей боли идеал.
Нет радости в зиме холодной
Судьбы. Не быть – похуже бал.

Сюжет-ребёнок – смысл Вселенной,
Он на пути у колеса,
И неба эгоизм нетленный,
И время на твоих часах.

Она мне заплетала косы,
Я презираю жизнь и смерть,
Ибо люблю не папиросы,
А детства Иры круговерть.

«Ты умерла, и в небе отпечатка...»

Памяти Иры Ломтевой

Ты умерла, и в небе отпечатка
Событья этого в ночи бескрайней нет,
Лишь звёзды окунаются в сетчатку
Концами острыми, звенит их свет,

И завершённость тикает мелодий
Часов, что к бесконечности летят
В отчаянной вводящей в суть свободе
От заведённости меланхолии. Взгляд

Не ищет мой ни новой большей боли,
Ни смысла в жизни, что ушла с тобой,
Переходя немислимой любовью
К тебе на небеса, ко мне домой,

Где никого нет, лишь твои портреты
Ожили над покорностью вещей;
Я буду ждать во сне твоих приветов
И думать: «После смерти встречусь с ней».

Я превращу свое существованье,
Пусть мне не вменяют этого во грех,
В скорбь светлую надежды, в ожиданье,
Твой путь предпочитая встречам всех.

Ты обо мне едва ли вспоминала,
Но я тебя любила вопреки,
Со страстью, и есть память за финалом;
Пошлю с Земли тебе свои стихи.

Я жмусь к огням, что посылают окна,
Вдыхаю дым и снова ввысь гляжу,
Но не отнимешь неба ненароком...
Взгляд, грацию и голос отражу.

И молодость твою не пощадила
И сохранила навсегда судьба,
Отняв тебя жестоко так у мира
И у меня как сердце, ссыпав прах.

Ты умерла, а я пишу привычно,
Пусть скорбь моя со мною догорит,
И этот мир, всегда эгоистичный,

Пусть эгоизм мне в памяти простит.

«Я набираю номер...»

Памяти Иры Ломтевой

Я набираю номер
В сгоревшую квартиру,
Приснившихся историй
Дым утро шлет по миру,

Трещит промокшим флагом
На утреннем весеннем
Ветру, пространств бумагой.
Среда как воскресенье.

И первый день декабрьский,
Дым в небе, сон с тобою
Не скрыл в тепле коварства
И пробудил нас с бою.

Иду навстречу ветру,
Уже не только явно
Одна, – и тайно, – к свету
Печали безоглядной.

Так приходи же в гости
В мой сон всегда под утро! —
Остановилась осень
Навек со мной как будто.

Ты с неба осветишь мне
Короткую дорогу,
Пока перо распишет
В стихах-мостах итогом

Рукою отчужденной
Те цифры, что сгорели
На телефонном фоне —
Испепелённом небе.

На глаз уставших ясность
Ложатся хлопья снега,
И просьбы этой внятность
Уместна ли для неба? —

Будь ангелом-хранителем моим,
И путь мой обернётся вечным вальсом
С бесплотной памятью на жизни миг... —

Я жажду одиночества, останься!

Невозможная хроника

Неразделённую любовь разделит мир,
И сломанные вещи пригодятся.
Сквозные фразы в сорванный эфир
Бессмыслицей подарят час пространству,

Сведут с ума и в мой летящий дом
Подхватят с ветром, занесут больную
Украденную музыку как стон
Твой, странница прекрасная в загуле.

Прохладным днём тем улицам сиять
И возвращать быльём поросший век в дыханье
Младенцев нынешних, и мира связь
Приблизит встречу у дороги дальней.

Я соберу желаний наших пыль
В их непрактичности с наклонных тротуаров
С нелепицей страстей, когда полынь
В улыбке горькой одиночеств даром

Цветёт десятилетия красотой
Ненужной благородного искусства
Спеть соло целым хором за трубой
Второй под скрипку первую без чувства,

В угаре догадаться, что вопрос
Твой в шутку был когда-то миру задан
И принят мной сегодня лишь всерьёз,
И я над фотографией заплакал.

Весь этот бред бессонниц затяжной
Звучит твоим: «Простите, а нельзя ли
Мне с вашим зонтиком (вопрос смешной)
Сфотографироваться и оставить

Себя на память?»— этот сон пронзил
Мне душу, раны чьи ручьями стали.
Неразделённую любовь разделит мир,
Начавшийся нечаянным свиданьем.

«Когда во рту растает время, словно снег...»

Когда во рту растает время, словно снег,
Когда за окнами белеет город,
Избитый образ ручкою в руке
Попросится на голос, ветром сорван.

Нет ничего дороже времени теперь,
И если б жизнь в нем не сгорала скоро
В развоплощённой чистой красоте,
Сегодня мне б себя уже не вспомнить.

Когда огонь питается огнем,
О вечности любви упоминанье
Напрасно – это сердце устает
И в страстных фразах снова отдыхает.

А вздор как бред: серьезней нет потерь
Потери времени, но свежесть ветра
Весной все той же пахнет в январе;
Слов нет, и Муза кстати, суть отвергнув.

Как натянуть тугие паруса
Здоровью лёгкие на лодках ребер,
Прогнать простуду, глядя в небеса
С небрежно нарисованного моря.

Как хорошо бывает иногда
Забыть свой собственный вопрос, проснувшись,
Не получить ответа никогда,
Час потерять, чтоб два найти получше!

И сшила платье новое зима
Самой поэзии, пронзив восторгом
Скорбь тишины – и словно белый флаг
Подол метелицей взметнул весь город.

Когда во рту растает время, словно снег,
Такое неурочное для танцев
И для прогулок, будет на столе
Бумага таять на закате ясном.

Маросейка

Ангелы всю рыбу съели,
Опустясь на Маросейку.
«Что творите, Божье семя?»
«Не могли найти лазейку.»

Ангелы в пейзаж попали
Этим Рождеством пропавшим,
И с деревьев иней стаял,
Неба рыба стала слаще.

К вечеру в снегу, что душу
Лечит, грусть преодолая,
Ангелы на крышах глушат,
Рыбу Маросейки жарят.

Невысокие домишки,
Шум от транспорта звенящий,
Остры выступы на крышах
Маросейки настоящей.

Чем темнее – тем светлее,
На деревьях снова иней,
Красота снегов белеет
На пейзаже дерзких линий.

Кино

Из зеркала шкафа – твое отраженье,–
Немного ты ранена вихрем времён,
Обманной и сладкой любви пораженье
Тебе никогда, милый друг, не соврёт.

На гвоздь ты повесишь красивую шляпу,
В тулю вставишь свечку, и свечка сгорит,
От времени шкаф деревянный обшарпан,
Чудесный тебе открывается вид.

Утюг заплясал по вечернему платью,
А ты выливаешь чернила на стол.
Я время своё на тебя не потратил,
О чём сожалею, упёршись в футбол.

И движется в зеркале наша картина,
И многое скажет старинный предмет.
Взгляни: там в углу запылится ботинок,
А пары ему в этом доме и нет.

Натура

Ходят парами и пожилые супруги,
И погода как будто для них,
И Земля уж не вертится диском на круге,
И открыты дороги мои.

Снова снег прикрывает черту горизонта,
Тишину окружит ход машин.
Открывайте же линию честного фронта,
Чтоб огонь белый снег порешил.

Вот диптих, окровавленный страстью апреля,—
Не ложитесь, супруги, в гробы.
Там, на кладбище страшно спокойно, и млеет
Жизнь сама, и тропинки мокры.

И на выезде...

Моя зрелость безликая дремлет поодаль,–
Запечатать в конверт средоточие черт,
Когда выйдет из зеркала каменный Гоголь,
Не захочется мне, но разломан мольберт.

В эту лунную ночь я прошу реализма,–
«Будь здоров», – мне сказали и отняли срок.
В сизом дыме не жаждал я ваших стриптизов,–
Кровь печатает несколько раненых строф.

И заткнёт ли мне рот власть солёного моря,–
Я не в поезде ехал – летел под откос,
Но мне скучно от раненых этих историй,–
Я прошу только несколько выгнутых роз.

Терпкий запах диктует материи зрелость,
Но разбудит меня только поезда свист,
Только летней травы пережжённая прелесть,
И танцовщицы спляшут на выезде твист.

В двух мирах

Для себя ли, будучи богатыми,
Милостыню нищим подаём?
В двух мирах, заслушавшись сонатами,
Мы живём и жизнь не сознаём.

Для себя ль поступок «необдуманный»
Совершаем мы, иль просто страсть
Движет нами милыми, беспутными,
Чтоб мы, дети, наигрались властью?

Мы похожи друг на друга. Всё-таки
Мы оригинальны, чтоб лучи
Грели нас с небес, и мимолетными
Жестами бравируем, кричим.

Отразившись в солнышке веснучатом,
Лишь при встречах проявим себя.
Человек один не может, – лучше бы
Нас преследовал влюблённый взгляд.

Знаем, что мертво всё, что обдуманно,
И причуды, ах, зачем пример? —
Мы творим невольно, ставши глупыми
В опыте средь опытных манер.

В чём причина редкой нашей щедрости
И улыбки незнакомцу вдруг?
К жизни вкус, пристрастие к неверности
И любовь к себе и к людям? Друг!

Для себя ли, будучи богатыми
Милостыни знаний просим мы?
Долгий сон, страх к страху и – заплатами
Редкие подарки нам даны.

И считают почти все иль многие,
Что они – избранники небес.
Это так. И, сердцем одинокие
К благу мы, удачливые в треск.

На душе, вконец поистрепавшейся,
Радость от рисунка твоего,
И спешим мы в рамку вставить, кажется,
Твой рисунок и себя – давно.

И с души заплаты всё ж срываем мы,
Обнажаем душу на ветру.
Нет, не для себя оригинальные
Люди, оценив свой дар – твой труд.

Баллада

Пьют ковбои, дым глотая,
Смысля в карточной игре,
Неустанно напевая,
Я разлѣгся на окне.

И пошла она вертеться
Вместе с нашим погребком, —
Вспомнишь шум и запах детства,
Вспомнишь то, с чем не знаком.

Не поднять дверь на канатах
И не выйти сквозь окно,
Не предложишь девке плату, —
Бродит кровь в ней, как вино.

Я пою, ковбои ж стихли,
А бармен в петлю полез.
То свеча, загаснув, вспыхнет,
Но не видеть нам небес.

Там гроза загрохотала,
Точно бесшабашный смех
Наш, и ночь на час настала,
Усыпив ковбоев всех.

Но она ко мне приходит,
Ярким светом полыхнув:
«Это дети, их заводят
Бесы, но не заведут».

И наутро все проснулись
По домам в седьмом поту,
Только мы бредем средь улиц:
Я, бармен и та, глотнув.

О любви

Она повязала платок, точно шарф
И брошью его приколола.
Жены и актрисы не выявлен шарм,
И грусть на лице её снова.

Он шляпу так лихо пред ней заломил,
Дал что-то понять, улыбнувшись.
И вот, у обоих прибавилось сил,
И звук пустоты был заглушен.

Надолго ли пара влюбленных вдвоём
Во времени нашем осталась?
За здоровье его, красоту ее пьём
И ветра холодного шалость.

На, шпильки в причёску, красотка, твой блеск
Не должен пропасть, несомненно.
Вся жизнь – это роли неопытных пьес, —
Его ты задействуешь смело.

И вот, без печали идёте вдвоём,
Поправ зло и боль, в современность,
А мы мадригал вам весёлый поём,
Его не сочтите за дерзость.

Безответная любовь

Страсть помыкает человеком,
Когда он чист еще и слеп,
Проводит через ада пекло.
О, как же сей закон нелеп!

И на помилованье можно
Рассчитывать лишь мудрецу:
Свобода его духа может
Страданья подвести к концу.

Но страсть – это удел Вселенной,
И счастья нет нам без неё,
И смысл познает только пленный,
И сам оковы раскуёт.

Я верю, что за ним – победа:
Любви напрасной в мире нет, —
Сквозь безысходность, тьму и беды
Она незримый дарит свет.

Коль ближнему ты не желаешь
Зла хоть за то, что он далёк,
Ты милость Божию снискаешь,
Хотя огонь тебя испёк.

Сквозь годы разум осветится,
И ты познаешь, как сладка
Любовь, которая лишь снится,
И наяву не скажет «да».

И посвятив всю жизнь другому,
Прозреть ты сможешь для себя.
Спасеньем будет рокот грома,
И если жил, то жил, любя.

Ночь

Москва объята долгим сном,
Но ни одна звезда не светит.
Играя ночью в унисон,
Мне телефоны не ответят.

О, интонация тревог,
Еще мне припиши словечко, —
На небесах уже продрог
Твой Бог, забывший, как беспечно

Он разговаривал с тобой,
Суля тебе Свое бессмертье,
Но чай в стакане весь спитой,
А в механизмах – милосердьё.

Так в мусорном ведре архив
Красуется цветной рекламой,
И благодарность прокурив,
Себя ищущ на всех программах.

Явись ко мне теперь и ты
На тротуаре и паркете,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.